

Предисловие

Чтобы история, о которой пойдет речь, получила признание, нужно ли ей быть честной? И если да, то всегда ли следует держаться за этику, добродетель или даже принципы, привитые нам отцами? Следует ли не выходить за эти рамки, избегая насмешек или нападок благонаправленной публики?

За всю свою жизнь я нечасто совершал аморальные поступки, но даже когда они случались, то никому не вредили: ни конкретным людям, ни обществу в целом. Уж тем более не вредили они дальней родне, с которой у меня формально нет родственной связи.

Тем не менее вы и представить себе не можете, на что мне пришлось пойти, чтобы эта книга увидела свет. Я шел на уловки, обман, исчезал на несколько лет, менял личные данные. Проявлял, несомненно, фамильные черты одной из известнейших в истории семей. Но, когда вы становитесь элементом легенды или считаетесь ею, а ваше имя в большей части мира вызывает презрение или не менее сильное восхищение, приходится идти обходным путем.

Во многих случаях второй паспорт оказывался мне полезен настолько же, насколько и первый, и помогал сбежать, чтобы писать книгу. Потому что у меня должно было получиться. Извлекать выгоду из ситуации простительно, а вот упускать представляющуюся возможность — нет.

Мы всегда неправы перед теми, кто считает правыми только себя. Будь то водитель такси, который с непоколебимой уверенностью рассказывал мне, что обществом правят евреи, и безо всякой злобы транслировал экстремистские стереотипы, появившиеся по меньшей мере сто лет назад. Или же продавец деловых костюмов, который безо всякого страха представлял мне более изощренную теорию, согласно которой в большей части бед на земле виноваты Ротшильды. Все эти люди, сами того не понимая, способствуют масштабной пропаганде, которая совершенно не идет на пользу будущим поколениям.

Речь пойдет о некоторых моментах из необычной жизни одного еврейского семейства — семьи Ротшильдов. Они крайне редко выступают с заявлениями, но уже более двухсот шестидесяти лет всегда оказываются связанными с происходящими событиями.

Безусловно, я мог, как настоящий историк, последовательно изложить на бумаге все то, что составляет эту сагу, похожую то на сказку, то на трагедию. Однако, по аналогии с буквой и духом закона, между буквой и духом истории я выбрал второе, добавив собственные умозаключения. Эти выводы, не всегда лестные для тех, кого они касаются, и еще в меньшей степени для человечества в целом, помогут развенчать тайну Ротшильдов. Я изучил их биографии, сопоставил порою противоречивые свидетельства и восстановил цельный образ, более всего похожий на правду. На мою правду, заметят скептики.

Верите вы или нет, но с 1744 года совершенно не изменились ни человек, ни его реакции, ни его ценность. Сегодня, однако, аудиторию сложно заинтересовать, а у новых средств массовой информации, которых в избытке, низкое качество (хотелось бы думать, что вы со мной согласны). Нередко, чтобы удовлетворить все более нетерпеливых читателей, они способны лишь представить выводы, зачастую несправедливые.

Надеюсь, что я избежал таких ловушек, и вы вслед за мной узнаете о стремлениях и мотивах тех, кто вызвал во мне восхищение или негодование. Им я и посвятил этот скромный труд.

Евреи в Средние века

Люди рождаются равными. Или почти равными. У всех нас одинаковый набор генов. Но попробуй пойми, почему одни бегают быстрее других, почему одни умные, а другие нет. Это естественное соперничество заложено в нашей природе.

Вначале были евреи, и создали они множество религий. После столетий размышлений и смирения они, кажется, предусмотрели все вопросы: мудрости, морали, семьи, войны и даже здоровья. Но они упустили один нюанс, который им дорого обойдется и изменит облик мира, — потребность созидать и все подвергать сомнению, которая так хорошо характеризует человеческую природу.

Дело в том, что среди их же сородичей неведомо для них скрывались инакомыслящие с самыми разрушительными идеями. Из ядра иудаизма, возможно, из наиболее добродетельной его части вышел один еврей-новатор, который в одиночку собрал вместе всех отвергнутых иудаизмом (а их оказалось много). Он создал для них иные, более открытые правила.

Слоганы «Любите друг друга» или «Первые станут последними», которые предложил этот гениальный ясновидец, предупредив век рекламы, откликнулись у миллионов отверженных, рабов и бедняков. Последние обрели надежду: если они не счастливы в этом мире, то после смерти смогут по меньшей мере улучшить свое жалкое существование, попав в рай!

Программа оказалась революционной, если не сказать подрывной: так сочли фарисеи — евреи-хранители Храма Иерусалимского, которые образовывали небольшую привилегированную касту, жадную до власти. Они и пожаловались наместнику римского императора в Иудее префекту Понтию Пилату и после непродолжительной борьбы добились смертной казни для Иисуса Христа, революционера или зануды-неудачника — считайте его, кем хотите. А его последователи христиане заявляли всему миру, причем весьма несправедливо, что их пророка распяли евреи. Было бы обоснованнее обвинять в этом только фарисеев!

Здесь, на мой взгляд, и лежат истоки антисемитизма, каким мы его знаем сегодня и каким он передается из поколения в поколение около двух тысяч лет.

Став самой сильной религией и получив новую интерпретацию при восточно-римском императоре в 380 году, христианство сметало все на своем пути. Оно преследовало одну-единственную цель: расширять ареал своего распространения, чтобы покорять как можно больше народов, без конца привлекать новых верующих, даже прибегать к пыткам для триумфа веры. И все это вопреки заветам создателя христианства Иисуса, который, будучи святым еще при жизни, не причинил зла ни одному живому существу.

Евреи ничего не меняли в практиках иудаизма, и переход в их религию остался настолько трудным, что для гоев (неевреев) было проще не менять религию. Дело в том, что евреи ведут родство по матери, другие способы перейти в иудаизм очень сложны. Гои из-за отсутствия перехода религиозной принадлежности по наследству перетянули к себе всех отверженных. Вскоре они решили, что евреи, которые жили мирно и скромно, но считались виновными в смерти ставшего мессией пророка, остаются угрозой для установленного превосходства.

Безжалостно расправляясь со всеми другими противниками, они, что удивительно, пощадили 144 000 «сынов израилевых». Таким образом они последовали пророчеству из Откровения Иоанна Богослова, согласно которому под страхом самой страшной Божьей кары этих евреев надлежало оставить в живых.

Наконец, большая часть христиан внезапно объявила богатство и прибыль порочными и потому неизбежно ведущими в ад. Евреи же потребовались им для того, чтобы отправиться на передовую в борьбе со скверной. На евреев был возложен самый грязный труд, например, связанный с деньгами, к которым христиане предпочитали как можно меньше прикасаться. Таким образом, евреи, которых использовали как живой щит против порока и греха, запустили экономику и начали вливать в нее жизнь.

Этого показалось мало, и для евреев ввели правила с настолько суровыми наказаниями (вплоть до смертной казни), что их существование превратилось в сущую пытку.

Со Средневековья Церковь и феодалы, избегая смешения населения, решили отделить евреев и собрать их в гетто. Эти своего рода

тюрьмы-лагеря, примыкавшие к городу, закрывались на ночь и на выходные. Там-то евреи, выдворенные за городские стены, и стали налаживать свой нищенский быт.

Отверженные обществом за инаковость, теперь они могли в закрытой среде совершать собственные обряды, не представляя угрозы для христианской власти. У них не было права владеть землей, они платили высокую арендную плату, сталкиваясь с постоянно растущими налогами, которые пополняли карманы феодалов и духовенства.

Евреям, считающимся нечистыми, оставили только занятия, связанные с деньгами. Проклятые христианским Богом, они были нужны для торговли: только у них было право продавать и покупать в различных королевствах необходимые продукты и обменивать валюту. А у каждого, даже самого маленького города в обращении были свои деньги¹.

Чтобы евреи не пользовались теми же правами, что и добропорядочная публика, их обязали носить на виду желтую звезду в качестве знака отличия, а евреек — полосатый платок. Им было предписано расступаться и кланяться каждый раз, когда они встречали христианина, они не могли задерживаться на улице дольше, чем нужно, посещать общественные сады. Им не было дозволено приближаться к кафедральным соборам, останавливаться на постоянных дворах; на рынке они должны были дожидаться, пока свои покупки закончат христиане. В домах надлежало затемнять стекла в окнах верхних этажей, чтобы сквозь них не видеть добропорядочную публику. Их письма проходили цензуру: перед передачей адресату корреспонденцию прочитывал и одобрял почтальон. Наконец, за пользование почтовыми экипажами с них брали в два раза больше, чем с других клиентов.

Для них, исключенных из общественной жизни, были официально под запретом занятия, которые считались благородными: сельское хозяйство, плотничество, медицина, нотариальное дело. Также запрещалась продажа оружия, сырья, шелка и специй.

Эти повинности и принудительная специализация на занятиях, связанных с покупкой, продажей и приемом заказов от королевств и населения, позволили сделать состояние некоторым евреям. Его, впрочем, составляли только звонкие металлические монеты: по закону у евреев

¹ В XVIII веке в Германии было несколько сотен княжеств и магистратов, и все они чеканили собственную монету. — *Здесь и далее — прим. автора.*

не могло быть собственности за пределами гетто. Не имея прав вложить вырученные деньги во что-либо, они веками жили в весьма скромных условиях.

В это же время феодалам, живущим в роскоши и расточительстве, владеющим землями с тысячами душ в услужении, удивительным образом не хватало наличных на свои потребности и планы.

Несчастье одних оказалось прибыльным делом для других: некоторые «рабы» в последствии ссуживали средства своему господину. Их называли придворными евреями, а позднее — банкирами. Быстро забылось, что занятия, связанные с деньгами, были им навязаны исключительно в интересах Церкви и феодалов.

Монархи не умели считать, не имели представления об экономике и финансах, их постоянно обкрадывали собственные слуги. И поэтому вскоре управление имуществом и делами доверили евреям, которые, приблизившись к своему угнетателю, становились все более и более незаменимыми для благополучия королевств.

Ложь распространяется быстрее, чем правда. В Истории остались имена лишь тех, кто заставил о себе говорить, а именно самых успешных торговцев. При этом подавляющее большинство евреев наравне с неевреями продолжали жить в скромных, даже чересчур скромных условиях.

Рождение мифа

Возьмем Германию, или Священную Римскую империю германской нации, XVIII века: город Франкфурт — это 32 000 христиан или тех, кто себя таковыми называет; добавим к ним 10% от этого числа — евреев, которые теснятся в гетто рядом с городом.

Франкфурт — единственный город, который стоит на пересечении пяти основных транспортных артерий, связывающих его с Нидерландами, Венецией, Любеком, Гамбургом, Бременом и другими столицами будущей Германии и стран Северной Европы. Благодаря Майну, впадающему в Рейн, город имеет доступ к одному из крупнейших путей торгового судоходства, что дает очевидное преимущество в транзите товаров и, как мы увидим позднее, сыграет ключевую роль в этой истории.

С XII века евреи изгнаны из городов, поскольку считаются опасными для христианской веры. Но следует отметить, что услуги, которые они оказывают коммуна, незаменимы для функционирования экономики. Некоторые ганзейские города, например, Гамбург или Бремен, постепенно смягчают ограничения, чтобы во имя всеобщих интересов повысить продуктивность.

В противовес княжествам и герцогствам, проявляющим все большую терпимость, если не сказать либеральность, во Франкфурте, центре курфюршества Гессен, при деспотичном Фридрихе II сохраняются крайне антисемитские порядки. Последний вместе со своим сыном Вильгельмом Гессенским неукоснительно следует изжившим себя средневековым нормам.

Там-то 23 февраля 1744 года и появляется на свет Майер Амшель Ротшильд, четвертый ребенок в бедной религиозной семье из франкфуртского гетто. У его родителей крохотное темное помещение, в котором они торгуют ветошью, подержанными вещами, украшениями, меняют деньги, медали, — эдакая неплохо организованная лавка старьевщика. Там же располагается семейный очаг.

Наиболее важный и наиболее используемый инструмент — это весы. Здесь умеют распознавать драгоценные металлы даже глядя

на гравировку и надписи (потому что они зачастую фальшивые). Здесь без конца взвешивают монеты: определить их реальную ценность можно только по весу золота, серебра или меди. Часто ключом к успеху обменной операции становится верный расчет обменного курса для различных валют.

В доме, который служит еще магазином и складом, в спартанских условиях живут две семьи, порядка двенадцати человек. На этих же восьмидесяти квадратных метрах ведется торговля — темные комнаты завалены запасами и товарами на продажу. Наверху нет света даже среди бела дня, воздух спертый, потому что окна заколочены, как того требует подлый закон, защищающий христиан от дурного взгляда евреев (были бы они и вправду опасными!).

В узеньком переулке живет сотня человек. С годами, по мере рождения детей и приезда новоселов, их станет три тысячи. На этой земле изгоев все они, как могут, обустроивают свой быт, ютятся в тесных, загроможденных жилищах.

Нехватка места определенно сказывается на стоимости недвижимости. Кто сказал, что чем дороже, тем красивее? Евреям разрешено покупать только в гетто, и из-за ограниченной площади цены в этом депрессивном квартале взлетают выше стоимости лучшего жилья буржуа. В переулке нет ни сточной канавы, ни канализации: из-за отбросов, скапливающихся прямо на земле, стоит невообразимый смрад, а воздух полон болезней...

От них несколько позднее (в 1755 году) и умрут родители Майера Амшеля, завещав одному из своих сыновей тот путь, благодаря которому мы о нем знаем.

В закрытых кварталах, охраняемых, как тюрьмы, с минимальными свободами, но максимальными податями и сборами приходится выживать всем евреям Европы. С ними обращаются почти как со скотом, держа в загонах и ставя метки.

Чтобы свести концы с концами, еврейские семьи занимаются торговлей самого разного рода. У них нет даже права на фамилию, зачастую вместо нее используются название дома, прозвище или профессия.

На двери в дом в переулке Юденгассе (дословно: еврейском переулке) в качестве украшения висит красный щит. Проживающую там семью зовут Ротшильд, что по-немецки и значит «красный щит».

Когда в эпидемию оспы с разницей в несколько месяцев умирают оба родителя Майера Амшеля, ему всего одиннадцать лет. Отец уже научил его менять деньги, из трех братьев он старший и должен отделаться от семьи, потому что жизнь обходится дорого.

Его опекуны обращаются к банкиру в Ганновере, который берет мальчика на испытательный срок в качестве стажера. Так начинается его независимая жизнь в нескольких сотнях километров от Франкфурта.

Как заведено, дети из бедных семей должны быть самостоятельными или по меньшей мере самодостаточными, иначе они рискуют оказаться на улице с протянутой рукой или попасться разбойникам (что по меньшей мере дает перспективу на будущее!).

Но Майеру Амшелю благодаря навыкам, переданным родителями, такой расклад не грозит. Он унаследовал весьма живой характер и, несмотря на юные годы, весьма развит. Майер Амшель имеет немало знаний в различных областях, хорошо читает, но на этом его умения не заканчиваются. Он быстро, очень быстро считает и умеет вести себя со взрослыми.

Все общение происходит на трех языках. На немецком разговаривают с клиентами, иврит используется для молитв. Для общения в узком кругу клана, не на глазах у широкой общественности, нужен идиш, смесь немецкого и иврита, которая запутывает врага и с давних времен позволяет евреям опознавать своих. Тот, кто не говорит на идише, не может быть евреем и потенциально представляет опасность для общины.

Отец ничего не скрывает от сына с малых лет: рассказывает ему о политической ситуации, тем самым развивая ребенка. Уже в детстве мальчик знает об антисемитизме, о насилии (в тот момент как раз разгорается Семилетняя война, которая сначала охватывает Пруссию, Австрию, Францию, Россию, Саксонию, Швецию, то есть почти всю Европу: повсюду идут сражения), а также о делах в семейной лавке, которые, несмотря на шаткое положение, все-таки позволяют прокормиться.

В том возрасте, когда большинство детей умеют разве что резвиться в песочнице, Майер уже чувствует себя обязанным следить за тем, как ведется обмен товарами с клиентами и поставщиками. Он рад

оказаться полезным, когда под надзором матери передает покупателям деньги.

Он везде следует за отцом, даже ходит с ним к нотариусу. У него в руках старый бумажный мешок как будто бы с обедом, а на самом деле — со всеми семейными сбережениями. Мозес, его отец, при этом держит на виду маленький кожаный портфель на случай, если от дома их выслеживают воры. Кто бы мог представить, что основная сумма доверена ребенку?

В конторе Майер помогает со всеми процедурами и, подобно стражу Храма, бережет деньги до тех пор, пока все документы не подписаны. Отец подает знак — сын с достоинством достает деньги из мешка и выкладывает их на стол перед продавцом. Мальчика переполняет гордость, ведь он сыграл самую важную роль в сделке: принес монеты!

На этом его участие не заканчивается: Майер Амшель очень рано начинает обслуживать клиентов, понимать, как обходиться со счетами, как заполнять налоговые декларации. В том числе узнает, что такое занижение сумм, серые доходы и теневая экономика... А только так и выжить, когда дела идут ни шатко ни валко. Чтобы достойно существовать и кормить семью, нужно считать каждый грош.

Слово «благотворительность» также ему знакомо. Каждый раз, когда отец подает милостыню, он передает монету через сына. Тот радуется, видя признательность в глазах нищего.

Наконец, благодаря урокам раввина, наш добродушный малый узнает о праве, морали и ценности данного обещания. Занимаясь вместе с отцом делами, он, конечно, понимает не все термины, но по сравнению со сверстниками у него есть хороший задел. У Майера Амшеля несомненная склонность к торговле и банковскому делу, именно это и нравится видному придворному еврею Вольфу Якобу Оппенгеймеру.

Он-то и берет мальчика под свое крыло сразу после смерти родителей. Майер работает и улучшает казавшиеся даром свыше способности, которые в действительности всего лишь отражение знаний, переданных родителями.

Его новый покровитель Оппенгеймер происходит из семьи, которая многие поколения служит императору Австрии, вхожа в приемные князей и аристократов, ведет дела далеко за пределами Ганновера по всей Германии до самой Вены. Этот человек в плотно сидящем сюртуке и рубашке с жестким высоким воротничком весьма влиятелен

и играет роль (для многих желанную) посредника, доверенного лица, эксперта и советника по всем вопросам. Прежде всего, финансовым.

Он постоянно оказывает небольшие услуги государям, которым вечно не хватает денег: на снабжение армии, на покупку драгоценных тканей, украшений для любовниц, на деликатесы, вино, табак, оружие, специи...

Оппенгеймер помогает в надзоре за владениями и в сборе податей. С каждых доверенных сделок или проектов получает процент. Он обладает огромным влиянием и занимает прочное положение — настолько он нужен своим прославленным клиентам, которые не слишком сведущи в финансовых вопросах.

Так вот, Оппенгеймер быстро понимает, что у юного Майера Амшеля потрясающая память и талант обращаться с цифрами. Для банковского предприятия он — большая ценность. Мальчик, который быстрее остальных считает, понимает и принимает решения, вскоре становится любимчиком своего покровителя.

Оппенгеймер учит его нумизматике (науке о древних медалях и монетах), а также искусству обмена, имеющему первостепенное значение в стране, где каждый округ чеканит собственные деньги. Население вынуждено обращаться к менялам каждый раз, когда переезжает во владения другого монарха, даже если они находятся близко друг к другу.

Это может быть Саксония, Ханау, Дармштадт, Кассель или Веймар. Священная Римская империя германской нации состоит из более чем трехсот пятидесяти герцогств и княжеств. Все эти разные монеты юному Майеру Амшелю необходимо знать настолько хорошо, чтобы с легкостью менять валюту, помня курс каждой.

Он также учится экономике — искусству следить за тем, чтобы всегда тратить меньше, чем зарабатываешь. Познает стратегию — способность оставаться честным и при этом уговаривать как можно больше потенциальных клиентов на покупку, продажу или обмен. Ибо прибыль определяется количеством сделок, осуществленных за момент времени.

*

С 1756 года бушует Семилетняя война. Ганновер находится под управлением английской короны, благодаря чему Майер Амшель узнает,